

ДЖОН СТЕЙНБЕК

---

*ЗИМА
ТРЕВОГИ НАШЕЙ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

C79

Серия «Эксклюзивная классика»

John Steinbeck

THE WINTER OF OUR DISCONTENT

Перевод с английского *Е. Калашиковой, Н. Волжиной*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Печатается с разрешения The Estate of Elaine A. Steinbeck
и литературных агентств McIntosh and Otis, Inc. и Andrew
Nurnberg

Стейнбек, Джон.

C79 Зима тревоги нашей : [роман] / Джон
Стейнбек ; [пер. с англ. Н. Волжиной, Е. Ка-
лашиковой]. — Москва : Издательство АСТ,
2015. — 416 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-093172-9

«Зима тревоги нашей» (1961) — последний роман Стейнбека, невероятно современный и актуальный, хотя действие его происходит в 60-е годы в Новой Англии, в вымышленном небольшом городке. Главный герой — Итен Аллен Хоули, потомок некогда очень богатой семьи, ветеран Второй мировой войны, человек образованный, порядочный и честный — оказывается в затруднительном положении.

Он вынужден работать продавцом в бакалейной лавке. Итену, привыкшему к совершенно другой жизни, непросто смириться с таким падением. Тогда он идет на сделку с совестью, чтобы обрести прежний статус и положение. Однако нечестные махинации, вернувшие герою богатство, не делают его счастливым.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-093172-9

© John Steinbeck, 1961

© Copyright Elaine A. Steinbeck, Thom Steinbeck, and
John Steinbeck IV renewed 1989

© Перевод. Е. Калашикова, наследники, 2015

© Перевод. Н. Волжина, наследники, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

*Читателям, которые станут доискиваться,
какие реальные люди и места описаны здесь под
вымышленными именами и названиями, я бы
посоветовал посмотреть вокруг себя и заглянуть
в собственную душу, так как в этом романе
рассказано о том, что происходит сегодня почти
во всей Америке.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Когда золотое апрельское утро разбудило Мэри Хоули, она повернулась к мужу и увидела, что он растянул рот мизинцами, изображая лягушку.

— Дурачишься, Итен? — сказала она. — Опять проявляешь свой комический талант?

— Мышка-мышка, выходи за меня замуж.

— Только проснулся и сразу за свое — дурачиться?

— Новый день нам год приносит, вот уж утро настает!

— Так и есть — сразу за свое. А ты помнишь, что сегодня великая Страстная пятница?

Он забубнил:

— Подлые римляне по команде выстраиваются у подножья Голгофы.

— Перестань кощунствовать. Марулло разрешит тебе закрыть лавку в одиннадцать?

— Милый цветочек, Марулло — католик, к тому же итальяшка. Вернее всего, он туда и носу не покажет. Я закрою лавку на перерыв в двенадцать и не открою до тех пор, пока не кончится казнь.

— Пилигримы в тебе заговорили. Нехорошо так.

— Глупости, букашка. Это у меня по материнской линии. Это во мне заговорили пираты. И казнь есть казнь, знаете ли.

— Никакие они не пираты. Ты сам рассказывал, что твои предки — китоловы и что у них были какие-то документы еще со времен Континентального конгресса.

— На судах, которые они обстреливали, их называли пиратами. А та римская солдатня называла казнь казнью.

— Ну вот, рассердился. Мне больше нравится, когда ты дурачишься.

— Да, я дурачок. Кто этого не знает?

— Вечно ты сбиваешь меня с толку. Тебе есть чем гордиться: пилигримы-колонисты и шкиперы китобойных судов — и всё в одной семье.

— А им есть чем?

— Что? Не понимаю.

— Могут мои знаменитые предки гордиться тем, что произвели на свет какого-то паршивого продавца в паршивой итальянской лавчонке в том самом городе, где они когда-то всем владели?

— Ты не простой продавец. Ты скорее вроде управляющего — ведешь всю бухгалтерию, сам сдаешь выручку в банк, сам все заказываешь.

— Верно. И сам подметаю, сам выношу мусор, пресмыкаюсь перед Марулло, и, будь я вдобавок паршивой кошкой, мне бы полагалось ловить у Марулло мышей.

Она обняла его.

— Давай лучше дурачиться, — сказала она. — Не надо так говорить в Страстную пятницу, это нехорошо. Я тебя очень люблю.

— Н-да, — сказал он через минуту. — Все вы поете одинаково. И не воображай, что это дает тебе право лежать в чем мать родила рядом с женатым мужчиной.

— Я хотела рассказать тебе про ребят.

— В тюрьму сели?

— Опять за свои дурачества? Нет, пусть они сами тебе расскажут.

— А что же ты...

— Марджи Янг-Хант сегодня опять будет гадать мне.

— На кофейной гуще? Марджи Янг-Хант, вот она какая, всем дарит улыбки, красотой пленяя...

— Знаешь, если бы я была ревнивая... Говорят, когда мужчина притворяется, будто он и не смотрит на хорошенькую девушку...

— Это она-то девушка? У нее двое мужей было.

— Второй умер.

— Мне пора завтракать. И ты веришь в эту чепуху?

— Но ведь про моего брата Марджи мне нагадала! Помнишь? «Кто-то из родственников, из самых близких...»

— Кто-то из моих родственников, из самых близких, получит хорошего пинка в зад, если сию же минуту не подаст на стол...

— Иду, иду. Яичницу?

— Ну, допустим. Почему называется Великая пятница? Что в ней великого?

— Эх ты! — сказала она. — Тебе бы только поясничать.

Когда Итен Аллен Хоули проскользнул в уголок возле кухонного окна, кофе был уже готов и на столе стояла тарелка с яичницей и гренками.

— Самочувствие великолепное, — сказал он. — Так почему же все-таки Великая пятница?

— Весна, — отозвалась она от плиты.

— Весенняя пятница?

— Лихорадка весенняя. Вот она тебя и треплет. А что ребята, встали?

— Как же, дожидайся! Лежебоки несчастные. Давай разбудим их и выпорем.

— Когда на тебя находит, ты бог знает что несешь. В перерыв придешь домой?

— Нет-с, не приду.

— Почему?

— Женщины. Назначаю им свидание на это время. Может, твоя Марджи заглянет.

— Перестань, Итен! Зачем ты так говоришь? Марджи настоящий друг. Она последнюю рубашку с себя снимет.

— Вот как? А есть ли на ней рубашка-то?

— Опять в тебе пилигримы заговорили.

— Держу пари, что мы с ней в родстве. Она тоже пиратских кровей.

— Ну перестань дурачиться. Вот тебе список. — Она сунула листок бумаги ему в нагрудный карман. — Тут очень всего много. Но не забудь, дело к Пасхе. И два десятка яиц тоже не забудь. Скорее, а то опоздаешь.

— Сам знаю. Чего доброго, упусти одного покупателя и лишу Марулло двадцати центов выручки. А зачем сразу два десятка?

— Красить. Аллен и Мэри-Эллен просили обязательно принести. Ну, тебе пора.

— Ухожу, ромашка... Только позволь, я поднимусь на минуточку наверх и спущу шкуру с Аллена и Эллен?

— Ты ужасно их балуешь, Итен! Так все-таки нельзя.

— Прощай, прощай, кормило власти, — сказал он, захлопнув за собой дверь с металлической сеткой, и вышел в золотисто-зеленое утро.

Он оглянулся на красивый старинный дом его отца и прадеда — дом, выкрашенный в белую краску, с полуциркульным окном над парадной дверью, с лепными карнизами в стиле Роберта Адама* и «вдовьей дорожкой» на крыше. Дом стоял в глубине зеленеющего сада среди столетней, набухшей почками сирени с могучими, чуть не в два обхвата, стволами. Вязы на Вязовой улице смыкали свои кроны через дорогу и отливали желтизной сквозь молодую листву. Солнце только что ушло со здания банка и засверкало на серебристой башне газового завода, гоня в город солено-йодистые запахи из Старой гавани.

На утренней Вязовой улице только одна живая душа — рыжий сеттер мистера Бейкера, банкирская собака, Рыжий Бейкер, который не спеша, с достоинством шествовал по тротуару, время от времени замирая и принюхиваясь к визитным карточкам на стволах вязов.

---

* Известный английский архитектор XVIII века, испытывавший в своем творчестве сильное влияние античной архитектуры.

— С добрым утром, сэ. Я Итен Аллен Хоули. Мы с вами как-то вместе справляли свои нужды.

Рыжий Бейкер остановился и ответил на приветствие размеренным помахиванием пушистого рыжего хвоста.

Итен сказал:

— А я вот стою и смотрю на свой дом. Умели строить в прежние времена.

Рыжий склонил голову набок и раза два небрежно поскреб задней лапой по ребрам.

— А хитрое ли это дело? С их-то денежками! Ворвань со всех морей и океанов и спермацет. Что такое спермацет — вам известно?

Рыжий протяжно вздохнул.

— Видимо, нет? Это прозрачное, чудесно пахнущее розой жироподобное вещество, содержащееся в черепных полостях кашалота. Читай «Моби Дика», пес. Мой тебе совет.

Сеттер задрал ногу на чугунную коновязь у обочины тротуара.

Уходя, Итен бросил ему через плечо:

— Дашь отзыв об этой книге. Может, мой сын что-нибудь у тебя почерпнет. Он даже не сумеет правильно написать слово «спермацет»... и не только это слово.

Через два квартала от старинного дома Итена Аллена Хоули Вязовая улица под прямым углом падает в Главную. Посредине первого квартала разбойничья банда воробьев дебоширила на едва начинающей зеленеть лужайке перед домом Элгаров. Воробьи не резвились, а налетали друг на друга, валяли друг друга в траве, норовили выклевать друг другу глаза, и все это с такой яростью,

с таким шумом, что даже не заметили, как Итен подошел к ним посмотреть на их драку.

— Дружно в гнездышке живем, всем пример вам подаем, — сказал он. — Свет не слышал подобного вранья. Вы, братцы, даже в такое прекрасное утро не можете поладить между собой. А святой Франциск носился с вами, стервецами! Кш-ш! — Он ринулся на них, поддал ногой, и воробьи взмыли вверх в шелестящем гуле крыльев, выражая свое крайнее недовольство скрипучим, как несмазанная дверь, чириканьем. — И разрешите мне поведать вам вот что, — сказал Итен им вслед. — Солнце померкнет в полдень, и тьма покроет землю, и страх обуяет вас. — Он ступил на тротуар и пошел дальше.

В старинном доме Филлипсов во втором квартале теперь открыли пансион. Из его парадной двери вышел кассир местного отделения Первого национального банка Джой Морфи. Он поковырял в зубах, одернул жилет и кивнул Итену.

— А я как раз собирался заглянуть к вам, мистер Хоули, — сказал он. — Почему Страстную пятницу называют великой?

— Это по-латыни, — сказал Джой. — Великус, великиус, великум, в смысле — «препаскудная».

Физиономия у Джоя была лошадиная, и улыбался он по-лошадиному, вздергивая длинную верхнюю губу и обнажая крупные квадратные зубы. Джозеф Патрик Морфи, Джой Морфи, Джой-бой, Морф — отнюдь не старожил Нью-Бэйтауна, но тем не менее личность весьма популярная в городе. Балагур, который отпускает шуточки с бесстрастным выражением лица, будто блефуя при игре в покер,

зато прямо-таки скисает со смеху, слушая анекдоты других рассказчиков, даже если и не в первый раз. Чего он только не знал, этот Морф, решительно обо всех и обо всем, начиная с мафии и кончая Маунтбэттенем, но выдавал он свою информацию таким тоном, что она звучала почти как вопрос. Благодаря вопросительным ноткам в нем не чувствовалось самоуверенности всезнайки, и от этого слушателям казалось, будто они причастны к его рассказам, что позволяло им выдавать их потом за свои собственные. Джой был любопытнейший тип: по натуре азартный, а никто не слышал, чтобы он когда-нибудь заключил хоть одно пари; опытный бухгалтер, замечательный банковский кассир. Директор местного отделения Первого национального банка мистер Бейкер оказывал Джою такое доверие, что переложил на него почти всю свою работу. Морф был на дружеской ноге со всеми в городе, но никого не называл по имени. Итен был для него мистером Хоули, Марджи Янг-Хант — миссис Янг-Хант, хотя, по слухам, Джой спал с ней. У него не было ни семьи, ни родственных связей, жил он один в двух комнатах с отдельной ванной в старинном доме Филлипсов, столовался большей частью в ресторане «Фок-мачта». Его послужной список — безупречный — был досконально известен мистеру Бейкеру и всем членам правления, но Джой-бой так рассказывал истории из жизни якобы других людей, что у слушателей невольно возникала мысль: а не произошло ли это с самим Джоем — и в таком случае он был тертый калач. То, что Джой не выставлял себя напоказ, вызывало к нему еще большую симпатию. Ногти у него всегда

были чистые, костюм хорошо и по моде сшитый, рубашка — свежая, башмаки — начищенные.

Оба не спеша зашагали по Вязовой улице к Главной.

— Я все хочу спросить вас. Адмирал Хоули вам кем-нибудь приходится?

— Может быть, адмирал Холси? — сказал Итен. — В нашей семье моряков было много, но про адмирала я впервые слышу.

— Я знаю, что дед у вас был шкипер китобойного судна, потому, вероятно, мне и втемяшился этот адмирал.

— Такие городишки, как наш, не обходятся без легенд, — сказал Итен. — Вот и говорят, будто мои прапрадеды по отцовской линии пиратствовали в давние времена, а материнские предки прибыли в Америку на «Мэйфлауэре».

— Итен Аллен?* — сказал Джой. — Господи помилуй! Он тоже ваш родственник?

— Очень возможно. Даже наверное, — сказал Итен. — Какой сегодня денек! Лучше, кажется, и пожелать нельзя. Вы хотели зайти ко мне?

— А, да! У вас сегодня с двенадцати до трех перерыв? Приготовьте-ка мне два сэндвича к половине двенадцатого, можно? Я тогда забегу за ними. И еще бутылку молока.

— А банк разве не закрывается?

— Банк закрывается. Я — нет. Маленький Джой так и будет торчать там, прикованный цепями к своим гроссбухам. В такие дни, накануне боль-

---

* Американский просветитель, живший в XVIII веке.

ших праздников, все, до последней собаки, лезут в банк, каждый со своим чеком.

— Вот не думал, — сказал Итен.

— Ну как же! Пасха, День памяти павших, День независимости, День труда... да перед любым большим праздником. Если бы я решил ограбить банк, то непременно приурочил бы это к кануну большого праздника. Денежки-то лежат готовенькие, ждут-дожидаются.

— А при вас, Джой, когда-нибудь грабили?

— Нет. Но с одним моим приятелем это стряслось дважды.

— Что же он рассказывал?

— Рассказывал, что здорово струхнул. Делал все, как ему было велено. Лег на пол — и пожалуйста, берите. Деньги, говорил, крепче застрахованы, чем я.

— Сандвичи я занесу, когда закрою лавку. Постучусь в боковую дверь. Вам с чем приготовить?

— Не беспокойтесь, мистер Хоули. Долго ли мне перебежать с угла на угол!.. Один с ветчиной, один с сыром. Хлеб ржаной, салат и майонез. И еще, пожалуй, бутылку молока и кока-колы, но это на потом.

— Есть хорошая салями — хозяин-то у меня итальянец.

— Нет, спасибо. Как он там, кстати, этот местный представитель мафии?

— По-моему, ничего.

— Ну что ж, если даже не любишь этих макаронщиков, все равно перед таким надо преклоняться. Торговал человек с тележки овощами, дальше — больше, а теперь чем только не обзавелся!

Да, голова у него работает. Знал бы кто, какое он состояние накопил... Но напрасно я об этом говорю. Банковским служащим не полагается болтать.

— А вы ничего не разболтали.

Они вышли на угол, где Вязовая улица упирается в Главную. И оба машинально остановились и посмотрели на розово-белые руины старинной гостиницы, которую сносили, чтобы освободить место для нового магазина Вулворта. Выкрашенный в желтую краску бульдозер и высоченный кран с ударной шар-бабой молчали, точно хищники, затаившиеся в утренней тиши.

— Вот кому я всегда завидую, — сказал Джой. — Какое, наверно, наслаждение: вдарил этой стальной штуковиной, и глядишь — целая стена рухнула.

— Я во Франции вдоволь этого насмотрелся, — сказал Итен.

— Да! Ведь ваше имя есть на обелиске у набережной.

— А тех, что совершили нападение на вашего приятеля, поймали? — Итен догадывался, что приятель этот был сам Джой. На его месте каждый бы догадался.

— Ну конечно! Попались, как мыши в мышеловку. Налетчики, слава богу, народ не хитрый. А вот если бы Джой-бой написал руководство по ограблению банков, полиция никогда бы никого не поймала.

Итен рассмеялся:

— А откуда вы все это знаете?

— Из первоисточника, мистер Итен. Читаю газеты, только и всего. Кроме того, один мой хороший знакомый работал в сыскной полиции. Же-